

К 80-летию Сталинградской битвы

«ВОЙНА НЕ ДОЛЖНА ПОВТОРИТЬСЯ»: ПИСЬМА НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ СО СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА

Миниханов Ф. Г., кандидат исторических наук

«THE WAR MUST NOT BE REPEATED»: LETTERS FROM GERMAN SOLDIERS FROM THE STALINGRAD FRONT

Minikhanov F. G.

Название города Сталинград 80 лет назад стало известно всему миру. Для народов нашей страны оно было и остается знаком военной и нравственной победы над фашистской Германией, символом перелома в величайшем вооруженном противостоянии XX в.

Переломным стал Сталинград и для немцев. В предназначенном только для нацистской элиты закрытом обзоре СД (февраль 1943 г.) говорилось: «Имеет место убеждение, что Сталинград означает перелом в войне... Неустойчивые соотечественники склонны видеть в падении Сталинграда начало конца»¹.

Путь к достижению глубинного смысла сталинградской трагедии оказался для немцев сложным и длительным процессом. До объединения двух германских государств в 1990 г. обширная литература об окружении и гибели 6-й армии фельдмаршала Паулюса имела по преимуществу оправдательно-мифологический характер. Общая направленность публикаций нередко отражалась в названиях книг: «Преданные бит-

вы», «Утраченные победы» и т.д. Сталинградская битва большинством немецкого общества воспринималась только как символ страданий солдат и офицеров вермахта. Налицо было невысказанное стремление уйти от решения вопроса об ответственности за войну и за сталинградскую катастрофу, провести линию размежевания между Гитлером и армией. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн и другие авторы мемуаров, перекладывая вину за гибель немецких солдат на Гитлера, стремились оправдать собственные действия, отрицая ответственность за произошедшее. Одним из первых, кто поставил беспощадный диагноз, был немецкий писатель Генрих Бёлл. В 1984 г. он писал: «До сих пор большинство немцев так и не поняло, что их никто не звал под Сталинград, что как победители они были бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побежденных»². Память о Сталинграде многосложно сплелась с проблемами общественной жизни Германии. Значительный резонанс вызвали исследовательские

работы после падения берлинской стены и объединения двух частей страны, авторы которых, несмотря на различие отдельных подходов, были едины в оценке войны против Советского Союза как преступной и противоправной. Цель этих работ, по словам Л. Копылова, написавшего предисловие к одной из них, заключается в следующем: «извлечь уроки из событий прошлого для того, чтобы обеспечить мирный завтрашний день»³.

Придать истории сражения на берегах Волги и Дона человеческое измерение оказалось возможным лишь тогда, когда в научный оборот были введены прямые свидетельства попавших в окружение немецких солдат. Это письма полевой почты 6-й армии, которые являются уникальным источником, демонстрирующим реальное положение немецких солдат на фронте и состояние немецкого общества в тылу. Их авторы скорее всего погибли, а письма, не дошедшие до адресатов, стали трофейными документами. Особо отметим, что в письмах предстает субъективная реальность кромешного ада под Сталинградом, предсмертные мысли и чувства людей, попавших в колеса гитлеровской военной машины и выступавших в двойной роли – преступника и жертвы. Для более ясного представления отчаянного положения окруженных немецких солдат на берегах Волги и Дона, приведем содержание некоторых писем с фронта в начальный период войны, когда еще немцы победоносно наступали.

В начале войны у подавляющего большинства немецких солдат

была твердая уверенность в победе. В блицкриг и молниеносную войну с Советским Союзом верили и на фронте, и в тылу. Эта вера подкреплялась боевой мощью вермахта. Вселяли уверенность и первые ошеломительные победы немецкой армии. О скором победоносном окончании войны на Восточном фронте в июле 1941 г. пишет лейтенант 75 пехотной дивизии: «Я уже сейчас могу сказать, что месяца через полтора, от силы два, флаг со свастикой будет реять над московским Кремлем. Более того, в этом году мы покончим с Россией и уложим на лопатки “томми”... Да! Ни для кого не секрет, что месяц спустя наш непобедимый вермахт будет стоять у ворот Москвы... От нас всего лишь требуется еще один блицкриг. Только мы можем так наступать. Вперед, вперед и только вперед, за нашими танками пойдем мы, обрушивая на русских пули, осколки и снаряды. Большого от нас никто не требует»⁴.

В письмах немецкие солдаты подробно описывают ход боевых действий на фронтах, свои впечатления о войне, брошенных неприятелем позициях, подбитых, сгоревших танках и машинах, о первых пленных и убитых советских солдатах. Однако немцев больше всего удивило удручающее состояние уровня жизни и быта советских людей. Конечно, немцы приблизительно представляли прискорбные условия жизни в нашей стране. Но то, что они увидели в первые дни войны, превзошло все их ожидания. Пораженный советской действительностью, сержант Курш Хушмель в своем письме (12.08.1941 г.) родным написал такие

слова: «Я даже не мог представить себе, что такая нищета возможна. Люди здесь ничего не знают об электрическом освещении, радио... Нельзя назвать то, где они живут, домами. Только лачуги с гнилыми соломенными крышами. Вокруг огромные заброшенные поля. Нет ни одной даже маленькой лавки. Это то, что люди называют советским раем. Куда ни глянь, везде одна нищета. Беднейшая немецкая деревня – жемчужина по сравнению с этими разрушенными деревнями»⁵. В том же духе о советской действительности пишет и лейтенант Отто Диссенрот 30 июля 1941 г.: «Дорогой Карл!.. Вокруг нас плодородная земля Украины, но за 20 лет неумелого руководства большевиков все развалили. Бедность, нищета, грязь, которые мы видели за эти недели, неопишуты... Везде, куда не помотришь, мы видим грязь, распад, опустошение, нищету, смерть и страдание. Всюду мы видим измученные взгляды крестьян, пустые амбары, сотни убитых людей; крестьянские дома бедны, много разрушений. Я иногда думаю, что все это – *работа дьявола*»⁶ [здесь и далее выделение курсивом автора статьи. – Ф.М.]. В ряде писем (возможно, это дописки либо геббельсовских пропагандистов, либо самих солдат) немцы в первое время даже жалели наших крестьян. Тот же О. Диссенрот пишет: «Они (большевики) унизили людей до уровня животных, бессильных, несчастных порабощенных животных, без всякой надежды на будущее. Они жили только чтобы есть. Мы все содрогаясь, видя это,.. власти украли все у этих людей, кроме самого воздуха,

которым они дышали,.. они стали рабами...»⁷.

Гитлеровская пропаганда умело использовала негативные стороны советской действительности. В начале войны вышла 60-страничная брошюра «Советский Союз глазами немецких солдат. Письма с Востока». Она, главным образом, содержала выдержки из солдатских писем, описывающих свои впечатления от СССР. Брошюра имела большое пропагандистское значение. Немцы, прочитавшие ее, даже те, которые не признавали национал-социализм и недолюбливали Гитлера, могли изменить свое отношение к происходящему на Востоке, а многие стали считать фюрера освободителем. Таким его считали и солдаты. Например, Хайнрих Штар пишет родным: «Как справедливо, что Фюрер призван возглавлять Европу»⁸. Конечно, в письмах много лжи, причем явно намеренной. Но с другой стороны, наша социалистическая Родина сделала все, чтоб облегчить жизнь геббельсовским пропагандистам. И бараки, и грязь, и поганые дороги («главные дороги не лучше, чем тропинки», – писали немецкие солдаты) – все это было в реальности.

Тон писем солдат вермахта после поражения под Москвой становится совсем другим. В ходе Сталинградской битвы воодушевление сменяется сомнениями, подавленным настроением. Война начинает представляться бесконечной и бесперспективной. И на фронте, и в тылу на первое место выходят мысли о тяготах войны. В письмах – насмешки над официальной пропагандой,

критика существующих порядков, а иногда и прямое неповиновение. Так, обер-ефрейтор 24 танковой дивизии Штольберг категорически отказался выполнить приказ, сказав: «Мне надоело подставлять свою голову под пули, я уже сыт войной»; за что был расстрелян⁹. Рядовой Рейнград Диккерт также заявил, что воевать за Гитлера не хочет: «...Солдаты нашей роты воевали только под страхом расстрела. Сейчас в германской армии установлен очень жесткий порядок, во время боя офицеры все время наблюдают за солдатами и, при малейшей попытке сдаться в плен или уклониться от боя, расстреливают на месте»¹⁰.

Письма также свидетельствуют, что немцы не ожидали такого яростного отпора Красной Армии. «В России идут жестокие бои. То, что русские будут так упорно защищаться, никто не предвидел»¹¹, – признается Пауль Грант. Об ожесточенном сопротивлении советских солдат и огромных потерях немецких войск писал в своих дневниках и командующий 6-й армии вермахта Ф. Паулюс: «... боеспособность воевавших в Сталинграде шести [немецких. – Ф.М.] дивизий снизилась до боеспособности полков. В середине сентября они заняли южную часть города, в октябре – северную его часть. Средняя часть города с берегом Волги осталась в руках русских. Отдельные бои от дома к дому, продолжавшиеся до середины ноября, не приносили больше существенных результатов из-за упорного сопротивления русских и [их] постоянных контратак»¹². А вот мнение вторично отправленного на Восточный фронт

ефрейтора 71-й пехотной дивизии вермахта Густава Дрейвиса: «...настроение солдат чрезвычайно подавленное. Если летом 1941 г. мы ехали в Россию, рассчитывая на “блицкриг”, а нам, крестьянам, обещали также землю, то сейчас мы могли рассчитывать только на новые лишения, жертвы и на 3 метра земли»¹³.

Тон писем меняется осенью 1942 г. Скажем, если до октября письма немецких солдат мало отличаются от писем с других участков фронта, то после начала советского контрнаступления содержание посланий кардинально меняется. Среди солдат вермахта царит уныние и безысходность. Вот строки некоторых писем осени 1942 г.: «Оснащенные самым современным оружием, русские наносят нам жесточайшие удары»; «здесь мы должны в тяжелых боях завоевать каждый метр земли и приносить большие жертвы, так как русский сражается упорно и ожесточенно, и я не думаю, что Сталинград падет»; «уже много солдат рассталось здесь со своей молодой жизнью и не увидят больше родины»; «Никакие бомбы не помогают, русский как танк, его не пришибешь... Война в России закончится только через несколько лет. Конца не видно...»; «Минуты не проходит, чтобы земля не гудела и не дрожала; иной раз кажется, что наступил конец света. Вот каков фронт под Сталинградом!»¹⁴.

К началу осени в письмах немецких солдат на первое место выходит проблема питания. Вот наиболее характерные выдержки из писем того периода: «...Здесь все так пло-

хо и безнадежно. Уже четыре дня я не ел хлеба и живу только на супе в обед, а утром и вечером глоток кофе... Всюду голод, вши, грязь... Делимся остатками сэкономленной пищи...»¹⁵. Обер-ефрейтор Г. Вигребе брату (30.09.1942 г.): «...единственная мысль, беспокоящая меня – это (мысль) о моем желудке. Вот уже 4 недели нет подвоза мяса и жиров... Вообще, вы не можете представить себе того, что здесь происходит и порой приходится пережить... На днях пробежали собаки, я стрелял, но та, которую я подстрелил, оказалась очень тощей»¹⁶. «Когда кончится картошка, бог знает, что мы будем жрать. Тогда пойдут в ход майские жуки, молодые лягушки, вороны...»¹⁷. Все чаще немецкие солдаты обращаются к своим родственникам, чтоб те выслали им продукты в посылках на фронт. Эмиль Перист в своем письме Люции Перист пишет: «Я все еще на фронте в боевых условиях. Над нами снаряды то русские, то немецкие. О семье не приходится и думать. Если бы ты смогла что-нибудь достать у крестьян из съестного – сало, масло, то пришли мне несколько посылок по 100 грамм, больше одновременно посылки не принимаются...»¹⁸.

В ходе Сталинградской битвы прозрение приходит и к немецким солдатам, они также задумываются о бессмысленности войны. В письмах из «котла» главным становится предчувствие смерти. В качестве примера приведу письмо, написанное немецким солдатом родственникам в Берлин 31 декабря 1942 г. Его смысл и содержание характерны для большинства писем, отправлен-

ных из Сталинграда: «Сейчас канун Нового года, а когда я думаю о доме, у меня сердце разрывается. Здесь все так плохо и безнадежно... Всюду голод, холод, вши и грязь. Днем и ночью нас бомбят советские летчики, почти не прекращается артиллерийский огонь. Если в ближайшее время не произойдет чудо, я погибну, мне очень плохо. Иногда я молюсь, иногда думаю о своей судьбе. Все представляется мне *бессмысленным и бесцельным*. Когда и как придет избавление? И что это будет – смерть от бомбы или от снаряда? Такие вопросы занимают нас постоянно... Как может все это вынести человек? Или все эти страдания – наказание божье? Мои дорогие, я не должен был вам этого писать, но мое терпение кончилось, я растерял и юмор, и мужество, я разучился смеяться. *Мы здесь все такие* – клубок дрожащих нервов, все живут как в лихорадке. Если из-за этого письма... меня расстреляют, то для моего измученного тела это будет избавлением от страданий»¹⁹.

Среди авторов писем из окружения, насколько можно судить по их содержанию, стилю, уровню грамотности, почерку, были люди разных социальной, образовательной и возрастной лестниц. Но в пограничной ситуации между жизнью и смертью в начале 1943 г. они оказались равны. Практически во всех корреспонденциях – вопль о помощи: «Часто задаешь себе вопрос: «К чему все эти страдания, не сошло ли человечество с ума?». Все это не поддается описанию, и никто не знает, сколько это продлится... Я никогда не думал, что придется переживать такое,

и мое убеждение – *война не должна повториться*. «Покажется ли над горизонтом заря надежды? Покинем ли мы когда-нибудь Россию?». «Хватит: мы с тобой не заслуживаем такой участи... война ужасная, я все это знаю, как солдат. До сих пор я не писал об этом, но теперь молчать нельзя. *Хоть раз я напишу тебе правду*, теперь ты знаешь, что здесь происходит...»²⁰.

В свою очередь, близкое неизбежное поражение на берегах Волги и Дона приводит фашистов к озлоблению. Случаи мародерства, насилия, грабежа местного населения становятся повсеместными, и немецкие солдаты считают все это «правом войны», «законом войны». Ниже приведу письмо лейтенанта Фридриха родным в Германию. Оно оставляет двоякое впечатление. Во-первых, в нем мы видим, какие преступления совершали немецкие солдаты против гражданского населения нашей страны, во-вторых, – это беспощадный памфлет на самого себя, в какой-то степени косвенное признание собственной вины. Вот его некоторые положения: «Мои дорогие. Могу сообщить радостное известие о том, что я надеюсь скоро получить отпуск... Чтоб он протекал гармонично, я уже сейчас прошу настроить ваши мысли на следующее: 1. Рекомендуется перед прибытием поезда все ценные предметы закопать в саду. 2. Всех детей младше 5 лет – также и из соседних домов – отдать в ближайшие сады национал-социалистического союза. 3. Для того, чтоб я сразу не поджег дом, поднять белый флаг на палке от метлы... 5. Дядя Петр пусть луч-

ше не приходит на вокзал, так как он находится в возрасте между 14 и 70 годами. Наилучшим будет, если он явится с одеялом, миской для еды и запасом продовольствия на 3 дня в ближайший концентрационный лагерь... 10. Об этом пункте прошу сохранять строжайшее молчание: речь идет о моем питании за счет населения. Выясните уже сейчас, где имеются поблизости куры, гуси, свиньи – о цене не беспокойтесь. Я расплачусь за все с помощью моего пистолета... 11. В вино подбавьте денатурата, оно станет вкуснее. Хорошо забаррикадируйте винный погреб. *Взламывание стало моей любимой привычкой*. От повторения оно не становится менее неприятным. 13. Прачку можете рассчитать, потому что я надел чистое белье всего четыре недели назад. 14. Водопровод можно оставить, но я лично буду умываться из водосточной трубы. Боже вас упаси разбить мой стакан для чистки зубов, он мне необходим, чтобы пить водку. 15. С Вами, мамаша и тетка Фрида, мы образуем военно-полевой суд и приговорим к расстрелу хозяина нашего дома, а кроме того и всех соседей, которые нас рассердят. Лучше всего пусть пока сами себе копают могилу, чтобы я не тратил попусту свой отпуск на такие незначительные вещи... 17. Дальше идет щекотливый пункт, о котором я говорю неохотно: за 2 дня до окончания моего отпуска вам лучше уехать к деду и бабушке, так как перед отъездом *я по привычке подожду дом*. 18. Если вы хотите доставить мне большую радость, то повесьте над дверями дома вывеску с надписью: “Привет боже! Заходи,

закрывай покрепче дверь!» Кроме этих моих пожеланий, можете ни о чем не беспокоиться, я невзыскателен. Пусть ваши дела до моего отпуска идут хорошо, привет вам от вашего Фридриха»²¹.

По мере затягивания войны и поражения на фронте, в письмах прослеживается обострение противоречий между немцами и их союзниками («вспомогательные народы»), а также между солдатами различных областей Германии. В «Анализе трофейных писем солдат вермахта особым отделом НКВД Сталинградского фронта за 1942 г.» отмечается, что «наиболее недовольны войной были солдаты Западной Германии (Рейнская и Рурская области, Вестфалия). Они получают тревожные письма, говорящие об опасности, которой подвергаются их близкие в результате английских бомбардировок. Двойной страх – за свою собственную жизнь и за жизнь семьи – заставляет их еще более желать скорейшего окончания войны»²². Такая позиция не нравилась уроженцам Восточной Пруссии, которые считали себя истинными германцами и постоянно насмехались над солдатами западногерманских областей. Последние не остаются в долгу, называя пруссаков «упрямыми ослиами». И те и другие смеются над вестфальцами»²³.

О настроениях солдат из числа жителей более спокойных районов пишет солдат 16 моторизованной дивизии Шмитс: «Что касается жителей Тюрингии, Баварии, Силезии, то они не чувствовали на своей шкуре ужасов войны – они видят в ней только веселое времяпровождение. А большинство молодых силезцев

служат в отрядах СС. Это грубые солдаты, не стесняются грабить и воровать»²⁴.

Об отношении к союзникам: румынам, венграм, итальянцам и др., принимавшим участие в войне, по словам начальника особого отдела Сталинградского фронта Н. Н. Селивановского, «и говорить не приходится – всякий “истинный немец” считает себя естественным господином этих народов и презирает их»²⁵. Господствующее положение немцев наблюдалось в самых разных случаях фронтовой жизни. Так, «при совместном дислоцировании немцы заселялись в лучшие дома, лучше питались и т.д. Даже простой немецкий солдат считал себя вправе сделать замечание офицеру венгерской или румынской армии». Унизительным для солдат союзников вермахта являлось распространенное на фронте и в тылу название – «вспомогательные народы»²⁶.

Настроение немецкого общества, отраженное в письмах, тоже не было однозначным. В начале войны большинство немцев верило в быструю победу и в своего фюрера. Провал блицкрига привел к смене взглядов. По мере затягивания войны немецкая экономика испытывала большие трудности. Письма на фронт свидетельствуют об утрате уверенности в победе в восточной кампании, о трудностях в городе и деревне, нехватке рабочей силы, разорении мелких предпринимателей и т.п. «Теперь я уже не сомневаюсь, что нам приходит конец, – пишет солдату Г. Гайнену его сестра. – На фабрике мне больше нечего делать, да и другим тоже...

Моя песенка спета»²⁷. Солдату Воллерсу от невесты: «Наш шеф сказал сегодня, что теперь нужно только работать, а есть мы можем только после войны. Вот только он сам придерживается другого мнения»²⁸.

Состояние немецкого общества к концу 1942 г., его умонастроения довольно точно выразил на допросе в Особом отделе военнопленный Вольдемар Зоммер: «Германский народ войны не хочет, но он покорно идет за правительством и не пытается сопротивляться, опасаясь гестапо... В Германии тихо не потому, что население живет в довольстве и благополучии, а потому, что гестапо “хорошо” работает»²⁹.

Несмотря на некоторые критические замечания по отношению к власти, прежде всего военной, в письмах нет признаков прямой оппозиции режиму. По оценке немецкого историка Урсулы Хейенкамп (Берлин), они не свидетельствуют ни о чувстве вины, ни о начальной фазе самообвинения³⁰. И все же, по оценке немецких ученых-историков, битва за Сталинград стала символом не только сокрушительного поражения Германии на Восточном фронте, но и слепого послушания Гитлеру³¹. Однако в письмах нет нацистских пропагандистских штампов, высокомерия и презрения к противнику. Нараставшая у солдат день ото дня депрессия была предвестником серьезных социальных перемен социально-психологического характера, что

подтверждается опубликованными письмами из Сталинградского котла. Заслуживает внимания тот факт, что значительная часть вскрытой корреспонденции оказалась фактически прощальными письмами.

Таким образом, неудачи вермахта в ходе Сталинградской битвы в 1942 – начале 1943 г. привели к «кризису сознания», росту принципиального недоверия к нацистской партии, к внутреннему отходу широких кругов немецкого общества от идеологии национал-социализма. Вопреки усилиям Геббельса результатами сталинградской катастрофы оказались серьезные сдвиги в сознании и подсознании немецкого общества. Суть этих сдвигов известный историк Мартин Брошат (Мюнхен) определил, как внутренний отход широких кругов немецкого общества от идеологии национал-социализма. Эти выводы совпадают с суждениями выдающегося российского писателя Василия Гроссмана. Именно с конца 1942 – начала 1943 гг., по мнению автора «Жизни и судьбы», «в мучениях голода, в ночных страхах, в ощущении надвигающейся беды медленно и постепенно началось высвобождение свободы в человеке, то есть очеловечивание людей, победа жизни над нежизнью... Кто из гибнущих и обреченных мог понять, что это были первые часы очеловечивания жизни многих десятков миллионов немцев после десятилетия тотальной бесчеловечности!»³².

Сведения об авторе: Миниханов Фидайль Гимранович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: fidail1956@mail.ru.

Аннотация. В статье на основе анализа писем немецких солдат, архивных материалов, обширной литературы о Сталинградской битве, сделана попытка придать че-

ловеческое измерение истории сражения на берегах Волги и Дона, используя прямые свидетельства – письма и высказывания попавших в окружение немецких солдат.

Ключевые слова: Сталинградская битва, Красная Армия, война, вермахт, фронт, сражение, письма, плен, солдаты, немецкий, наступление, оборона, окружение.

Abstract. Based on the analysis of the letters of German soldiers, archival materials, extensive literature about the Battle of Stalingrad, the article attempts to give a human dimension to the history of the battle on the banks of the Volga and Don, using direct evidence – letters and statements that were surrounded by German soldiers.

Key words: Battle of Stalingrad, Red Army, war, Wehrmacht, front, battle, letters, captivity, soldiers, German, offensive, defense, encirclement.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Московская и Сталинградская битвы – поворотные события Великой Отечественной войны: Сб. материалов научно-практической конференции 26 июня 2007 г. – Казань, 2007. – С. 24.

2 Бёлл Г. Способность скорбеть // Новое время. – 1988. – № 24. – С. 37.

3 Beyer W.R. Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. – Frankfurt, 1987. – S. 9 // Родина. – 2002. – № 10. – С. 50.

4 1941. Война глазами немецких солдат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://krasavchik.livejournal.com/65250.html> (дата обращения: 18.04.2023 г.).

5 Миниханов Ф.Г. Начальный период войн через призму солдатских писем (по обе стороны фронта) // Материалы научно-практической конференции «Начало Великой Отечественной войны: Взгляд через 65 лет спустя». 23 июня 2006 г. – Казань, 2006. – С. 59.

6 Там же.

7 Советский Союз глазами немецких солдат. – Берлин, 1941. – 65 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://propagandahistory.ru/240/Sovetskiy-Soyuz-glazami-germanskikh-soldat--Pisma-s-Vostoka> (дата обращения: 18.04.2023 г.).

8 Миниханов Ф.Г. Война изнутри: Солдатские письма с фронта // Вестник Казанского университета культуры и искусств. – 2015. – № 2. – Ч. 1. – С. 106.

9 Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ), ф. 14, оп. 4, д. 912, л. 180.

10 Там же, л. 182, 183.

11 Там же, л. 187.

12 Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и воен. цензуры / Сост.: А.Т. Жадобин и др. – М.: Звонница – МГ, 2000. – С. 25.

13 ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 912, л. 189, 189 об.

14 Разгром немцев под Сталинградом. Признание врага. – М., 1944. – С. 12, 15, 21, 25.

15 Московская и Сталинградская битвы – поворотные события Великой Отечественной войны. – Казань, 2007. – С. 26.

16 Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и воен. цензуры / Сост.: А.Т. Жадобин и др. – М.: Звонница – МГ, 2000. – С. 95–96.

17 ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 943, л. 38–39 об.

18 Там же, л. 38–39 об.

19 Борозняк А. Война и победа // Родина. – 2002. – № 10. – С. 49.

20 Разгром немцев под Сталинградом. Признание врага. – М.: Военное изд-во, 1944. – С. 54, 56, 58.

21 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 125, д. 97, л. 103, 104, 105.

22 ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 326, л. 264.

23 Там же, л. 265.

24 Там же, л. 266.

- 25 Там же, л. 265.
- 26 Там же, л. 266.
- 27 Там же, д. 943, л. 38.
- 28 Там же, л. 39.
- 29 Разгром немцев под Сталинградом. Признание врага. – М.: Военное изд-во, 1944. – С. 55, 57, 58.
- 30 Materialien zur Ausstellung «Stalingrad – Brief aus dem Kesse». – Berlin, 1991. – S. 45 // Родина. – 2002. – № 2.
- 31 Борозняк А. Война и победа // Родина. – 2002. – № 10. – С. 50.
- 32 Гроссман В. Жизнь и судьба. – М., 1989. – С. 550, 551.